urgent to resolve the question of whether they can be used in a figurative sense to refer to a person and his characteristics.

Comparative analysis of some Russian and Chinese bird's names in their metaphorical, as well as a component of phraseology and comparisons showed both similarities and differences in the lexical-semantic level. Knowledge of Russian ornithological metaphors intensify the interest of Chinese students for the Russian language and culture of the Russian people.

Keywords: vocabulary, semantics, imaginative potential, metaphor, zoomorphism, ornitonim, idiom, compare.

© А. Ю. Ларионова
УрФУ, г. Екатеринбург

Неформальная коммуникация как сфера активных языковых процессов

Статья посвящена неформальной коммуникации (НК) как интенсивно развивающемуся типу массового общения. Разграничение формализованного и неформального дискурсов связывается с интенсивностью действия языковой антиномии информационной и экспрессивной функций языка. Подчеркивается особая функциональность и конструктивная значимость экспрессивной функции языка, реализуемой в произведениях НК за счет оригинального использования языкового потенциала. Отмечается связь «неформальной» волны в современной речи (неологического бума) с авторитетной литературой, социолектами, иноязычными заимствованиями. Делается вывод о синкретичности НК, основаниями которой названы пересечение с разными коммуникативными сферами, открытый и неоднородный характер множества участников, разнообразие предметов речи и неограниченность ситуаций функционирования. Выводы содержат тезис об универсализации неформального стиля общения в современном коммуникативном пространстве. К факторам универсализации отнесены: социальный фактор (приоритетность в среде нового поколения); лингвокреативный (установка на нарушение автоматизма восприятия); ментальный (публичность в отличие от традиционной приватности неформального общения в русской культуре). В заключение подчеркивается, что НК представляет собой «массовую» речевую культуру, «массовый» социолект и является высокопродуктивной сферой-источником активных языковых процессов.

Ключевые слова: неформальная коммуникация, экспрессивная функция языка, новообразование, активные языковые процессы.

Современный язык находится в новой реальности, задающей интенсивность действия языковых антиномий. Антиномия информационной и экспрессивной функций языка как никогда активна и коррелирует с двумя крупнейшими дискурсами: формализованным (официальным) и неформальным.

Официальный дискурс реализует информационную функцию языка, стремится к воспроизводимости его стандартных средств,

включая элементы фразеологизированного слоя (устойчивые в широком смысле сочетания слов, клише, прецедентные тексты и т. п.), средства терминологического или профессионально ограниченного характера; реализуется в протокольной деловой и научной сферах; коррелирует с доминирующей культурой, стремящейся интегрировать иные культурные (и субкультурные) явления речевых практик в единую систему.

Неформальный дискурс в большей мере ориентирован на экспрессивную функцию языка, демонстрирует подчеркнуто творческое личностное начало в речепроизводстве, а именно: нацелен на передачу ситуативно актуальной признаковости предмета речи, ценностного отношения к нему, использует оригинальные комбинации языковых средств репрезентации.

Неформальный дискурс традиционен для русской культуры и всегда представлял собой внушительную часть коммуникативного пространства, в которой экспрессия чрезвычайно функциональна, конструктивно значима и является одним из условий отличия от иных сфер общения формализованного коммуникативного пространства. Естественно, что разные коммуникативные сферы совмещают экспрессию и стандарт в разном соотношении, что позволяет поддерживать специфику стиля репрезентаций в каждой из них.

Собственные наблюдения и мнения ученых позволяют дать следующее определение явления неформальной коммуникации. Неформальная коммуникация — это тип массовой коммуникации, в которой речетворческое поведение коммуникантов отвечает естественной потребности не быть ограниченными в средствах самовыражения и взаимодействия с другими людьми, а языковые новации не могут быть включены в качестве самостоятельных в письменные официальные источники. Исключение составляет особый мир художественной литературы (хотя именно она эмоционально подготовила носителей языка к новациям в повседневной речи и языке), а также случаи юридического закрепления новообразований в названиях предприятий, журналов, проектов и др. (например, предприятие питания *«Гурманов»*, магазин *«Мягкофф»*, продукция «*Смешарики»* и т. д.). НК наблюдается не только в рамках неформально организованных, но и вполне деловых социумов, фрагментарно использующих неформальное общение в «своей» среде (профессиональной, возрастной, по интересам и т. д.).

Традиционно неформальный дискурс является результатом разного рода частного, непубличного общения и связан прежде всего со сферой разговорной речи, с субкультурными речевыми практиками (в первую очередь, молодежными), в качестве средства стилизации его элементы присутствуют в художественных текстах. На современном этапе НК настойчиво расширяет свои границы, проникая в ораторскую, публицистическую и даже устную деловую речь. В качестве примера приведем название федерального телеканала «Перец», в котором, на наш взгляд, усматриваются признаки «неформальности», например, неясность названия для зрителя, находящегося в состоянии выбора. Невозможность определения концепции канала (тематики программ) по его названию контрастирует с достаточной однозначностью названий телеканалов «первой линейки»: «Россия», «Россия — К (культура)», «НТВ (Независимое телевидение)» и других. Статус последних, определенность трактовки названий ассоциируются в сознании зрителей с многоаспектностью программ, отражением официальной (доминирующей) позиции в отношении фактов действительности и выступают условием выбора зрителем. Название «Перец», на наш взгляд, таким условием не является в силу многозначности слова и его «разговорного» потенциала. Так, в основном значении «растение, острое, жгучее на вкус» [1] название может ориентировать зрителя, например, на огородную, сельскохозяйственную, кулинарную тематику программ (тогда канал может быть интересен приверженцам здорового образа жизни, садоводам, дачникам и пр.). Однако современные речевые практики свидетельствуют, что носители языка гораздо более готовы к языковой игре, чем к однозначности трактовки. К процессу интерпретации названия подключаются переносные значения «насмешка, язвительное остроумие», «колкий, язвительный человек» [Там же], активизирующие метафору «острый, жгучий, как перец», т. е. производящий впечатление за счет иронии, ерничанья, стеба и пр. (реклама, межпрограммные шутки от ведущих подтверждают это ожидание). Важно и то, что в «народной» апперцепционной базе слово нагружено еще и жаргонным скабрезным потенциалом (в разных жаргонах имеет специфичные, преимущественно вульгарные значения). Редакторы канала, безусловно, знают об этом, скорее всего рассчитывают на связанный с этим коммуникативный эффект, но всегда имеют возможность сде-

лать «невинное лицо», утверждая, что каждый толкует название в соответствии со своим уровнем культуры. Таким образом, неоднозначность названия, «разговорный» потенциал слова рассчитаны на «народного» зрителя, который любит крепкое словцо, чувствует подтекст, готов к неожиданным коммуникативным эффектам, т. е. принимает предложенную игру. А любая игра есть элемент НК. Кстати сказать, в 2015 году канал сменил название на «Че», опять демонстрирующее признаки «неформального» общения: недосказанность, многозначность, «стилистическую» маркированность, интригующие зрителя и привлекающие его внимание.

Речевое поведение, как и любое другое, социально и демонстрирует предрасположенность к определенному типу культурных (и языковых) норм. Неформальное речевое поведение естественно для носителей языка, обычно расходится с формализованными речевыми практиками (часто ради этого и осуществляется), отражает особую «народную картину мира». Отсюда оригинальность и детабуированность образов (невозможных в прежней публичной коммуникации), смысловая и оценочная нагруженность, экспрессивные и часто компрессивные (с уплотненным смыслом) средства репрезентаций, включая разного рода новообразования.

Новообразования традиционно не характерны для публичной коммуникации, так как, появляясь, сначала адаптируются в сферах своего возникновения и далее в качестве знакомых языковых средств расширяют границы функционирования. Сегодня они чрезвычайно активны в НК, откуда проникают в общее коммуникативное пространство. По наблюдениям ученых, неологический бум возник не вдруг. Его интенсивность подготовлена и авторитетной литературой, которую любят, изучают и которой гордятся в России, и многочисленными социолектами, и активными иноязычными заимствованиями. Литература в разные исторические периоды, как правило неспокойные и трудные, в избытке предлагала читателю и слушателю самые разные новации в области слова, словообразования, сочетаемости, изменения значений, стилистического перераспределения и многих других активных сегодня языковых явлений. Многочисленные исследования текстов художественной литературы, особенно поэтических, публицистики XX века, изучение жаргонов позволяют думать, что творчество русских литераторов, журналистов, критиков, социолектные речевые практики под-

готовили ту публичную «неформальную» волну в современной речи, которая вырвалась из глубин народного сознания и языка. Данная сфера творчества представляет собой невероятно богатое хранилище новообразований, многие из которых остаются в рамках «родных» текстов, а многие уходят в разные практики общения. Приведем иллюстрации чуть более или менее вековой давности, начинавшие те явления и тенденции, которые сегодня квалифицируются как активные процессы в языке. Среди них фиксируются и неузуальные грамматические формы, и семантические изменения, и новая сочетаемость. Примеры грамматических новообразований фиксируются в поэтических и прозаических текстах известных авторов: Век философии расцвел, отцвел; / Он разум обострил, вскрыл глуби *зол*... (В. И. Брюсов) — включение неузуальной формы множественного числа абстрактного существительного; А в Зимнем, в мягких *мебелях* с бронзовыми выкрутасами сидят министры в меди блях… (В. В. Маяковский) — включение формы множественного числа собирательного существительного; Этим словом — куда *громовее*, чем громом / Пораженная… (М. И. Цветаева) или Спроворит, как по нотам, *футбольнейший* подкат официант с блокнотом (Е. А. Евтушенко) — включение неузуальных форм степеней сравнения относительных прилагательных; Уж *плясано, плясано!* Уж *топано, топано!* (М. И. Цветаева) или …при *вдолбляемой* нам и *прогрохоченной* «социалистической дружбе народов»… (А. И. Солженицын) — включение неузуальных страдательных причастий в полных и кратких формах; Саранчой улыбки выев, ходят нэпманам на страх анекдоты гробовые — *гроб о фининспекторах* (В. В. Маяковский) — использование ненормативного управления под влиянием лексической специфики текста. Многие из приведенных примеров напрямую связаны с современными языковыми тенденциями. Тексты великих русских литераторов включают большое количество окказионализмов, потенциальных единиц, случаи необычной (образной) сочетаемости, например: И вы, *очаревна*, внимая, Блеснете глазами из льда (от очарование и царевна) (В. Хлебников); *Черноречивое* молчание в работе (О. Э. Мандельштам); Вот мордой в обрыв / нагорья лежат / в сиянье горбы / твоих *Эльбружат* (С. И. Кирсанов); *Тихотворение* мое, мое немое… (И. А. Бродский); Искусство *растепляет*... душу… (А. И. Солженицын); …коммунистическая власть столько… *намер-*

зила в отношениях между этими народами, что уже и путей не видно (А. И. Солженицын); в названии сборника произведений А. И. Солженицына название нового жанра «На изломах: рассказы, *крохотки*, публицистика. М.: АСТ, 2009»; …ни чешуйки, ни *мясинки* (А. И. Солженицын); Не дрожат ресницы длинные, / Личико недвижное. / Словно кто на лоб ей выжал / *Персик апельсинный* (М. И. Цветаева).

Как видим, авторы давно готовили современный «неологический бум», который на рубеже XX–XXI веков интенсифицировлся в самых разных сферах общения: в НК, СМИ, рекламе и других. Например, новая сочетаемость, необходимая для выражения новых смыслов: *черные риэлторы*, *оранжевые революции*, *ночные бабочки* (о женщине), *пластиковые деньги*, *здоровое тщеславие*, *нездоровый цинизм*, *железнодорожное зодчество* (о куполе храма, обустроенного в железнодорожном вагоне) (НТВ, Салтыков-Щедрин шоу от 28.05.2016), *хоровая неправда* (неправда, которую говорят многие, хором), *декоративная реформа* (в противовес конструктивной); неузуальные грамматические формы: капитальные *ремонты*, языковые *неряшливости*. Приемные родители сейчас не только усыновляют, но и *уматеряют*, дети посещают вместо музыкальной *пианистическую* школу. Уже привычны в речи образованные по аналогии *интернетчики* (пользователи Интернета), *жилищники* (работники жилищно-коммунального хозяйства), *аномальщики* (исследователи аномальных явлений в природе) (примеры см. [2]). В серьезной публицистике используются окказиональные слова *всеодобренщина, врио-культура, газетозавры* [3], *медицинизм* фальсификаторов (медицина + цинизм) [4], *духоподъемное видео* (НТВ, Салтыков-Щедрин шоу от 28.05.2016); потенциальные слова *межстрановые* проекты (А. Жуков. Россия, Вести от 08.06.2016), *цензурировать* решения (Д. Киселев, Россия, Вести недели от 08.02.2015); а также многочисленные отпрецедентные неофраземы: *Кадровый голод не тетка* (от *Голод не тетка*); *Семь раз об дверь, один раз об рельс* (от *Семь раз отмерь, один — отрежь*); *Друг познается в еде* (от *Друг познается в беде*) и др. В объявлениях приглашаются на работу менпопе́ры (менеджеры по персоналу), сисадми́ны (системные администраторы). Почти не удивляет новое жаргонное слово *забить* с неузуальным управлением в тегах, например «Украина *забила* на минский мир», «Каратели

забили на минские соглашения» (игнорировать, нарушать договоренности), «Польша *забила* на российский газ» (не беспокоиться, не делать для себя главным) [youtube.com]. Довольно распространены, создавая соответствующую языковую тенденцию, сочетания слов со значением степени проявления *слишком, очень* и под. с относительными прилагательными, например: «*Слишком женатый* таксист» в названии сатирического спектакля, «*очень пенсионный* возраст» в речи работника соцзащиты, «*очень пластический* хирург» в разговорной речи о хорошем пластическом хирурге и под.

Приведенные выше примеры есть продолжение литературной тенденции «выразить себя и максимально использовать возможности языка», «сократить расстояние» между коммуникантами, заставляя сопереживать и вовлекая в почти родственное (неформальное) общение. Этот стиль обращения с языком всегда отличал художественную литературу и отвечал высоким эстетическим и этическим требованиям (красоты и воспитания благородных помыслов и чувств). Он же характерен для сферы НК, но часто без оглядки на этические нормы, эстетические качества в угоду стремлению удивлять новизной форм и содержаний или их дисбалансом в любой ситуации при репрезентации любого предмета речи. Подобная репрезентативная установка развивается современными журналистами, авторами, ведущими различных шоу на радио и телевидении. Тотальное расширение границ НК связано с раскрепощением личности, свершившимся в постперестроечном российском обществе, а также с тем, что, по мнению ученых, именно неформальный стиль коммуникации позволяет человеку, во-первых, быть удовлетворенным общением в своем социуме и, во-вторых, быть более продуктивным в формализованном (рабочем) процессе [5].

Резюмируем изложенное.

НК представляет собой синкретичное коммуникативное явление. Синкретичность обусловлена вовлеченностью в общение относительно взрослого населения любого социального статуса и положения, т. е. открытым и неоднородным характером множества участников; разнообразием предметов речи, включая имеющие прежде ограниченную сферу обсуждения; неограниченностью ситуаций функционирования (за исключением форм строгого протокола и письменной деловой речи). Данные особенности обеспечивают сферу пересечения НК с иными коммуникативными сферами.

Процессы демократизации в России способствуют универсализации неформального стиля общения. К факторам универсализации можно отнести следующие:

1) социальная и эмоциональная необходимость в творчески ориентированной речи, особенно в среде нового поколения постперестроечного периода (социальный фактор);

2) предпочтение неузуальных и стилистически маркированных форм, нарушенных языковых норм, оригинальных планов выражения и содержания или их дисбаланса в отличие от логически организованного и стилистически выверенного речевого коррелята (лингвокреативный фактор);

3) стабильность лингвокреативного мышления у большого количества субъектов общего дискурса относительно языка и действительности, установок на нарушение автоматизма восприятия в отличие от общепонятных языковых средств, обеспечивающих однозначность фактической информации в формально организованном общении (коммуникативный фактор);

4) активная публичность в отличие от традиционной приватности неформального общения в русской культуре (ментальный фактор).

НК представляет собой одну из самых продуктивных сфер-источников активных языковых процессов и речевую тенденцию в коммуникативном пространстве. Опираясь на заложенные в языке логические модели (сценарии) в репрезентации действительности (формальные оболочки, значения, синтагматические цепочки), НК во многом трансформирует эти модели в угоду «неформально» маркированным смыслам. Современную НК отличает насыщенность трансформациями, эффект от которых усилен малоформатностью произведений; повторяемость ряда типологических качеств (оппозитивность, сингулярность, языковая игра, экспрессивность) (об этом [6]), ожидаемость которых свидетельствует об их системности в НК.

Названные особенности создают впечатление «массовой» речевой культуры, «массового» социолекта, живущих «своей» жизнью в современной коммуникации.

Примечания

1. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1985.

2. *Радченко М.* Словообразовательные неологизмы в современном русском и хорватском языках // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 140–144.

3. *Шалина Л. В.* К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2007. № 8. С. 73–77.

4. *Цыганова Н. Д.* Полиаспектное описание неолексем (по материалам словотворческих интернет-сайтов): дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015.

5. *Kandlousi N.* Organizational Citizenship Behavior Concern of Communication // Satisfaction: The role of the formal and informal communication. International Journal of Business and Management. 2010. 5(10). P. 51–61.

6. *Larionova A.Y.* Informal communication as a linguocultural phenomenon of the new Russia // Life Science Journal 2014. 11 (12). P. 170–173 (ISSN:1097-8135). http://www.lifesciencesite.com/lsj/life1112/028_26214life111214_170_173.pdf (дата обращения: 18.05.2016).

Informal communication as a sphere of active language processes

The article is devoted to the informal communication as an intensively evolving type of mass intercommunication. The differentiation between formal and informal discourse is connected to the language antinomy of informational and expressive language function action intensity. The article describes the special functionality and constructive importance of expressive language function realized in informal communication compositions by creative use of language potential. The connection between informal wave in modern speech (neologism boom) and reputable literature, sociolects and foreign words is also described. The summary about informal communication syncrecity based on different communicative spheres intercrossing, open and variegated character of participants, variety of points at issue and indefiniteness of function situations, is given. The summary also includes thesis about universalization of informal communication style in modern communicative space. The universalization factors are: social factor (priority among new generation), linguo-creative factor (setup for breaking automatic perception), mental factor (publicity instead of traditional informal communication privacy in Russian culture). Informal communication represents mass speech culture, mass sociolect and can be accepted as highly productive source sphere of active language processes.

Keywords: informal communication, expressive function of language, neologism, active language processes.

© В. Н. Левина

ТГУ имени Г. Р. Державина, г. Тамбов

Публицистический текст как фактор формирования ценностной картины мира современных студентов[1]

В условиях глобализации информационного пространства возрос интерес к изучению функционально-семантических особенностей публицистических текстов, оказывающих сильное влияние на различные сферы деятельности современного

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских ученых — докторов наук (проект № МД-3375.2015.6, 2015–2016 гг.).